

ШКОЛА

У ТУЗЕМЦЕВЪ

СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ Туркестанской Учительской
Семинаріи 31 мая 1889 г.

Преподавателемъ Семинаріи

В. Л. Жаливкинымъ.

ТАШКЕНТЪ.

Типо-Литографія С. И. Лахтина.

1889.

Школа у туземцевъ Средней Азіи.

Обстановка школьнаго дѣла у того или другаго народа всегда, въ большей или меньшей мѣрѣ, являетъ собою характеристику умственной жизни данной національности, опредѣляя съ значительной точностью средній уровень общественнаго образованія послѣдней. Если-же мы пожелаемъ бы достигнуть въ отношеніи сказаннаго опредѣленія возможно большей точности, то намъ, по всей вѣроятности, достаточно было-бы обратиться лишь въ ознакомленію съ той литературой, которой живетъ данное общество, для того, чтобы опредѣленіе уровня его знаній и его общаго развитія было бы безусловно точнымъ.

Нынѣ, когда вопросъ о туземномъ народномъ образованіи успѣлъ, во первыхъ, сдѣлаться вопросомъ насущнымъ, а во-вторыхъ, стать на болѣе или менѣе твердую почву, вѣроятно, не бесполезно остановиться на особенностяхъ туземной школы и туземнаго образованія, съ тѣмъ, чтобы выяснить: на что именно мы должны обратить особенное вниманіе въ нашей дальнѣйшей мѣстной просвѣтительной дѣятельности.

Начнемъ со школы, или лучше, прежде чѣмъ перейти къ жизни современной намъ туземной школы, вернемся на минуту въ прошлomu, а именно: къ первымъ вѣкамъ ислама.

Даже самые ярые противники мусульманства и тѣ, вѣроятно, не откажутъ согласиться съ тѣмъ, что было время, когда мусульманскій міръ смѣло могъ гордиться расцвѣтомъ своей научной дѣятельности. Всѣ наиболѣе извѣстные греческіе философы и писатели переводились на арабскій языкъ; устанавливались постоянныя почти сношенія съ Византіей и Индіей; агенты халифовъ посѣщали всѣ образованныя страны того времени, приобрѣтая различнѣйшія сочиненія для перевода ихъ на арабскій языкъ, благодаря чему часто случалось, что многія европейскія сочиненія появлялись прежде у арабовъ, на арабскомъ языкѣ. Въ одномъ только Багдадѣ было болѣе 30 публичныхъ библіотекъ; арабскіе путешественники, посѣщая отдаленныя, невѣдомыя тогда страны, успѣли сдѣлать очень много по части географіи,

тогда какъ другіе арабскіе же ученые трудились надъ астрономіей, философіей и медициной; арабскіе математики разработали десятичныя дроби, а равно и очень многое по части тригонометріи и алгебры. Такъ называемые испанскіе мавры сооружали на Пиренейскомъ полуостровѣ грандіозныя оросительныя каналы и пзящныя, величественныя постройки; благодаря имъ, тамъ широко развились торговля и промышленность; они собрали въ кордовской библіотекѣ около 400,000 томовъ; они-же добывали ртуть изъ тѣхъ самыхъ рудниковъ, которые позже, по изгнаніи мавровъ изъ Испаніи, заглохли въ рукахъ невѣжественныхъ испанцевъ.

Таковъ былъ расцвѣтъ мусульманской культурной дѣятельности; но онъ остался только расцвѣтомъ, не давъ плода и, даже хуже, — давъ плоды отрицательныя.

И самый расцвѣтъ-то этотъ продолжался лишь до тѣхъ поръ, пока законодательная, а вмѣстѣ съ нею и духовная власть была въ рукахъ такихъ халифовъ, какими были Мансуръ, Гарунъ-аль-Рашидъ и Мамунъ, которые, будучи сами по себѣ плохими мусульманами, ограждали науку отъ пагубныхъ религіозныхъ давленій шаріата. Какъ только законодательно-духовная власть, ускользнувъ изъ рукъ халифовъ, попала въ руки мусульманскихъ влиятельныхъ, кругъ умственной жизни мусульманскихъ народовъ быстро и крѣпко замкнулся для того, чтобы болѣе уже не разомкнуться своими собственными силами. Началась внутренняя переработка, варварски-схоластическое уродованіе всего того, что нѣсколько ранѣе съ такой жадностью хватили на сторонѣ.

Попутно съ усиленной разработкой мусульманскаго богословія и права, т. е. того, что нынѣ извѣстно подъ общимъ именемъ шаріата, идеи греческихъ и иныхъ философовъ и ученыхъ или передѣлывались на столько, чтобы не было противорѣчій съ шаріатомъ, или-же выбрасывались вонъ, если идеи эти вышесказанной обработкѣ не поддавались.

Вслѣдъ за этимъ центръ мусульманской интеллигентной жизни начинаетъ постепенно передвигаться на востокъ, причемъ и самый характеръ этой жизни съ теченіемъ времени замѣтно мѣняется къ худшему.

Послѣ того, какъ книжники задушили науку шаріатомъ въ Багдадѣ, центромъ умственной жизни для большей части мусульманства сдѣлалась Персія. Здѣсь очень много и думали, и писали. Думали на почвѣ философіи, и метафизики, и мистицизма, и даже атеизма, а писали почти исключительно въ стихахъ, причемъ по части наукъ положительныхъ не пошли дальше того, что было изуродовано и задушено книжниками въ Багдадѣ.

Замѣтимъ, между прочимъ, что въ послѣдствіи бóльшая часть вышесказанныхъ поэтовъ, благодаря крайнему развитію здѣсь мистицизма, попала въ святые. Къ нимъ соприсчисленъ, напр., Хафизъ, который, какъ это достоверно извѣстно, при жизни былъ болѣе, чѣмъ эпикурейцемъ. О томъ, что онъ былъ эпикурейцемъ, постарались забыть, а вмѣстѣ съ тѣмъ мистики стали утверждать, и по сіе время утверждаютъ еще, что подъ опьяненіемъ виномъ, красавицами и прочимъ, воспѣтымъ въ стихахъ Хафиза, слѣдуетъ разумѣть религіозный экстазъ, религію, Бога и пр. Мистики порѣшили на этомъ, и къ имени Хафиза былъ приданъ эпитетъ: *عليه الرحمة* — да будетъ надъ нимъ милость Божія. Здѣсь-же, въ Персіи, были пресловутые меценаты, въ родѣ Махмуда Газнавійскаго, который, какъ говорятъ, платилъ поэту Фирдауси по червонцу за каждую строку его стиховъ.

Позже центръ мусульманской образованности перешелъ еще далѣе на востокъ, гдѣ и опочилъ въ Бухарѣ и Самаркандѣ. Сюда положительныя науки, какъ увидимъ это ниже, дошли лишь въ видѣ крайне мизерныхъ обрывковъ. Стиховъ здѣсь писали неизмѣримо меньше, чѣмъ въ Персіи, причемъ здѣшніе поэты явились по преимуществу подражателями поэтамъ персидскимъ, вмѣстѣ съ чѣмъ персидскій языкъ сдѣлался въ Средней Азіи тѣмъ-же, чѣмъ такъ недавно еще французскій языкъ былъ въ Россіи. Мѣстныя интеллигентныя силы расходовались преимущественно на изученіе и дальнѣйшую разработку богословія и права, причемъ въ этихъ случаяхъ писали исключительно на арабскомъ языкѣ, ибо издревле почиталось неприличнымъ въ дѣлѣ религіи прибѣгать къ какому либо другому языку, кромѣ того, на которомъ говорятъ въ раю.

На сколько высоко держалось знамя шаріата, разумѣется съ мусульманской-же точки зрѣнія, и на сколько велико было тогдашнее знаніе туземныхъ ученыхъ по части арабскаго языка, можно судить уже по слѣдующему: книгою *Хидая-и-шарифъ*, написанной въ Ферганѣ, пынѣ руководствуются всѣ вообще мусульмане ханафистской секты, а авторъ ея, если не ошибаюсь, отправившись на поклоненіе въ Мекку, получилъ приглашеніе занять кафедру и умеръ, будучи *мударрисомъ* (профессоромъ) одного изъ медивскихъ *мадраса*.

Если въ Багдадѣ книжники придушили науку, то въ Средней Азіи книжники и фарисеи придавили и заморили голодомъ мѣстный мусульманскій умъ, добившись того, что туземецъ, благодаря ихъ стараніямъ, приучился смотрѣть на шаріатъ, какъ на науку всѣхъ наукъ и вѣрить, что

только шариатъ можетъ дать надлежащій отвѣтъ на любой изъ тѣхъ вопросовъ, которые могутъ зародиться въ головѣ человѣка.

Кого было здѣсь больше, книжниковъ или фарисеевъ—сказать не съумѣю; знаю только, что послѣднихъ было очень и очень много, и что вся жизнь единственнаго въ своемъ родѣ Машраба, поэта—юродиваго, жившаго лѣтъ 150 тому назадъ, прошла въ обличеніи мѣстнаго фарисейства.

Нужно-ли говорить о томъ, что по мѣрѣ размноженія здѣсь этихъ фарисеевъ и процвѣтанія фарисейства, quasi-научныя занятія богословіемъ превратились въ жалкую, схоластическую казуистику, въ родѣ рѣшенія вопроса о томъ, можно-ли мусульманину пить воду, оставшуюся въ чашкѣ послѣ того, какъ изъ нея пилъ невѣрный? (Отвѣтъ: можно, но въ томъ только случаѣ, если у невѣрна носъ короткій, такъ какъ, выпивая такую воду, онъ не рискуетъ опоганить ее кончикомъ своего носа).

То-же паденіе, та-же низкопробность замѣчаются и въ другихъ отрасляхъ мѣстной интеллектуальной жизни. Чтобы составить себѣ хотя-бы какое нибудь представленіе о томъ, до чего дошла Средняя Азія по части низкопробности, обратимся къ рассказамъ самихъ туземцевъ.

Увѣряютъ, что одинъ изъ бухарскихъ эмировъ, желая подражать былымъ меценатамъ, въ родѣ Махмуда Газнави, объявилъ, что онъ будетъ платить по 20 к. за каждое двустишіе. Однажды онъ бродилъ по окрестностямъ Бухары переодѣтымъ и замѣтилъ сарта, который бормоталъ что-то себѣ подъ носъ. Эмиръ остановилъ его и спросилъ, что такое онъ говоритъ? Тотъ, не подозрѣвая съ кѣмъ имѣетъ дѣло, отвѣчалъ ему: „не мѣшай; я слышалъ, что эмиръ обѣщаетъ по 20 коп. за двустишіе; сейчасъ я сложилъ стихъ и заучиваю его, чтобы не позабыть ایشان کینم یورغہ (мой ишакъ иноходецъ; хотя и иноходецъ, но плохъ). Эмиръ улыбнулся и сказалъ: „врядъ-ли эмиръ заплатитъ за такую чепуху.—“А если не заплатитъ, замѣтилъ сартъ, то“..... слѣдуетъ непечатное выраженіе. На слѣдующій день эмиру докладываютъ, что пришелъ какой-то человѣкъ и требуетъ обѣщанное вознагражденіе за сложенное имъ двустишіе. Когда сарта ввели и онъ увидѣлъ вчерашняго знакомаго, онъ сначала смутился было немного, но потомъ сказалъ сложенное имъ двустишіе и потребовалъ 20 к. Эмиръ улыбнулся и замѣтилъ, что стихъ очень слабъ. „Какъ знаете, отвѣтилъ сартъ; хотите дать 20 к., дайте; не хотите,—я повторю вчерашнее выраженіе“.

А вотъ и еще рассказъ: говорятъ, что когда бухарскій эмиръ Наср-

Улла завоевалъ Кокандъ, онъ нашелъ въ кокандской урцѣ библіотеку, оставшуюся отъ Омаръ-хана, а въ ней сборникъ стиховъ, написанныхъ частію самимъ Омаромъ, а частію его придворными поэтами. Эмиръ возгорѣлся желаніемъ тоже писать вирши. Онъ заперся въ комнатѣ, но болѣе одной строки написать не смогъ. Тогда Наср-Улла, не долго думая, велѣлъ одному изъ своихъ мирзъ докончить предполагавшееся двустихіе. Тотъ якобы, придѣлалъ вторую строку, но вышло до того порнографично, что передать содержаніе получившагося я не имѣю никакой возможности.

Это бессмысленное подражаніе старому проникло во всѣ сферы мѣстной жизни; воинствовавшіе ханы и эмиры, по мѣрѣ силъ и возможности, мизерно подражали Чингизамъ и Тамерланамъ, меценаты — Махмудамъ, поэты — Саади, Хафизу и др.; всѣ подражали только и зачастую очень неумѣло, не производя ничего самобытнаго, ибо постепенно установилось убѣжденіе въ томъ, что въ средѣ умственной жизни должно держаться только стараго, гдѣ все исчерпано, все закончено и ничто не можетъ подлежать ни критикѣ, ни сомнѣнію.

Такова та почва, на которой выросла и, такъ сказать, окостенѣла туземная мусульманская школа.

Перейдемъ-же къ ней, и начнемъ съ того, что школа эта, подраздѣляясь на низшую (*мактабъ*) и высшую (*мадраса*), не представляетъ собою учрежденія вполне государственнаго, а всегда живетъ на средства, даваемые или данныя частной благотворительностью. Это велось и ведется съ поконъ вѣка, ибо дарованіе такихъ средствъ признается дѣломъ душевнаспасительнымъ, ведущимъ дателя въ рай.

Мактабы въ большинствѣ случаевъ учреждаются при приходскихъ мечетяхъ; *мадраса* обыкновенно представляетъ собою учрежденіе вполне обособленное.

Помѣщеніе для *мактаба* строится по большей части на частныхъ пожертвованіяхъ; иногда это дѣлается въ складчину, всѣмъ приходомъ мечети.

Учителемъ низшей школы, съ общаго согласія прихожанъ, приглашается или имамъ той мечети, при которой находится школа, или другое какое либо, постороннее лицо. Плата такому учителю или опредѣляется по условію, или же каждый ученикъ еженедѣльно, по четвергамъ, приноситъ своему учителю посильное приношеніе, состоящее или изъ нѣсколькихъ копѣекъ деньгами, или изъ соотвѣтствующаго количества такихъ продуктовъ, какъ мука, рисъ, мясо, сало, и пр. Кромѣ того, по обычаю, по прохожде-

ни даннымъ ученикомъ того или другаго отдѣла выучки, которые, какъ мы увидимъ ниже, заключаются въ механическомъ прочтеніи той или другой книги, учитель получаетъ каждый разъ особыя, незначительныя впрочемъ, подарки, въ родѣ чалмы, куска матеріи или недорогого халата.

Число учениковъ *мактаба* въ среднемъ обыкновенно не превышаетъ 30—40 мальчиковъ въ возрастѣ отъ 6 до 15 лѣтъ.

Обученіе или *вѣрнѣ*—выучка начинается съ заучиванія арабскихъ буквъ, которыя пишутся учителемъ на особыхъ деревянныхъ или жестяныхъ дощечкахъ—*лявахъ*. Затѣмъ переходятъ къ складамъ по способу „букъ азъ ба“, что значительно осложняется еще слогами съ титлами. Пройдя склады и получивъ за это время не малое число колотушекъ, ученикъ приступаетъ по большей части къ такъ называемому *хафтїяку*, который представляетъ собою часть корана. По этой книжкѣ мальчикъ выучивается механически, вполнѣ безсознательно, разбирать чуждыя ему арабскія слова, смыслъ которыхъ для большинства остается нѣкотораго рода тайною, тѣмъ болѣе, что зачастую и самъ *дамулла* не въ состояніи удовлетворительно передать на сартовскомъ или таджикскомъ языкѣ содержаніе этого *хафтїяка*.

Выучившись болѣе или менѣе бѣгло (механически, разумѣется) читать по *хафтїяку*, ученикъ переходитъ къ *Чар-китабу*. Эта книжка (всегда почти рукописная) уже не на арабскомъ, а на персидскомъ языкѣ и заключаетъ въ себѣ выдержки изъ шаріата, главнымъ образомъ по части такъ называемаго религіознаго права, куда входятъ и отдѣлы объ омовеніяхъ, почему въ *Чаркитабѣ* встрѣчаются между прочимъ и такія вещи, какъ перечисленіе тѣхъ пятимныхъ случаевъ, послѣ которыхъ, по уставамъ мусульманской религіи, положены омовенія. Тема, конечно, мало приспособленная для дѣтскаго возраста, но этимъ не смущаются, ибо прежде всего *Чаркитабъ* прочитывается, такъ-же какъ и *хафтїякъ*, механически, безъ объясненій; во вторыхъ, для дѣтей тюрковъ персидскій языкъ совершенно чуждъ, а дѣти-таджики не могутъ понять содержанія этой книги потому, что текстъ ея испещренъ арабскими словами и такими персидскими, которыя употребительны лишь въ литературномъ языкѣ или-же въ рѣчи наиболѣе начитанныхъ людей.

Послѣ *Чар-китаба* прочитываются въ разной послѣдовательности и опять такъ механически, *Ходжа-Хафизъ*, *Бидаль*, *Фузули*, *Суфи-Алла-Яръ* и др. Это все сборники стихотвореній, написанныхъ одни на персидскомъ, а другіе на тюркскомъ языкѣ и совершенно неприспособленные для дѣтскаго пониманія.

Къ письму переходятъ лишь послѣ того, какъ учащійся достаточно освоится съ механическимъ чтеніемъ. Однако-же не надо думать, что мальчикъ, окончившій ученье въ *мактабъ*, выучивается писать; онъ выучивается лишь выводить буквы и только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ написать подъ диктовку самую простенькую фразу, и то съ массою грамматическихъ ошибокъ. Лишь старшіе и наиболѣе грамотные ученики, и то не во всѣхъ *мактабахъ*, получаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія по части правилъ совершенія религіозныхъ омовеній и намазовъ. Эта религіозная сторона обученія въ низшей школѣ слабѣе всѣхъ прочихъ; учащіеся гораздо болѣе воспринимаятъ здѣсь по части правилъ мусульманской вѣжливости или вѣрнѣе сказать, почтительности, что является до нѣкоторой степени необходимой подготовительной ступенью къ переходу въ *мадраса*, гдѣ складываніе рукъ на животъ, напусканіе на себя смиреннаго вида, опусканіе глазъ долу, дѣланная мягкость и даже слащавость рѣчи, въ качествѣ слѣплого подражанія персамъ былого времени, зачастую доводятся до степени неимовѣрной приторности.

И такъ въ общемъ, даже и при благопріятныхъ условіяхъ, кончая курсъ въ низшей школѣ, курсъ, продолжающійся въ среднемъ около четырехъ лѣтъ, туземный мальчикъ пріобрѣтаетъ умѣнье механически читать и то тѣ лишь книги, по которымъ онъ учился въ *мактабъ* (остальные разбираются имъ обыкновенно съ очень большимъ трудомъ) и выводить буквы или списывать съ даннаго оригинала. Привычка къ чисто механическому чтенію вкореняется такъ сильно, что зачастую, прочитавъ самое простенькое изложеніе на своемъ-же родномъ языкѣ, учившійся въ *мактабъ* совершенно не въ состояніи пересказать содержаніе прочитаннаго. Это при условіяхъ благопріятныхъ. Въ противномъ-же случаѣ юнецъ оставляетъ школу со званіемъ *чала-мулла*, не вполне грамотнаго, умѣющаго только читать или-же, наконецъ, уходитъ оттуда, унося лишь смутныя воспоминанія о существованіи какихъ-то замысловатыхъ крючковъ, точнаго смысла и значенія которыхъ постигнуть ему не удалось.

Даже при поверхностномъ ознакомленіи съ туземнымъ бытомъ, бросается въ глаза то обстоятельство, что наряду съ громаднымъ количествомъ школъ, среди туземцевъ существуетъ еще болѣе громадное число людей неграмотныхъ. Это объясняется, во-первыхъ внутренними, такъ сказать, свойствами ихъ школы, а во-вторыхъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ мы видѣли выше, знанія, выносимыя изъ *мактаба* (даже и при благопріятныхъ условіяхъ) представляются почти непримѣнными въ сферѣ обы-

денной жизни, а потому съ наибольшимъ успѣхомъ могутъ эксплуатироваться лишь въ качествѣ подготовительнаго курса для поступленія въ *мадраса*, куда попадаетъ сравнительно ничтожная часть бывшихъ школьниковъ. Большинство остальныхъ, вернувшись въ обычнымъ занятіямъ отцовъ, не находятъ занимательнымъ для себя механически перечитывать давно опостылѣвшаго Хафиза или Бидыля, забываетъ тѣ скудные начатки грамотности, кои успѣло унести изъ *мактаба* и мало по малу возвращается въ первобытное состояніе, совершая это съ тѣмъ большей легкостью, что доступныхъ для своего пониманія книгъ на родномъ языкѣ не находятъ ни въ частныхъ библіотекахъ, ни въ книжныхъ лавкахъ на базарѣ.

Къ этому вопросу о мѣстной литературѣ мы вернемся еще разъ, а теперь замѣтимъ, что у туземцевъ, кромѣ *мактабовъ* для мальчиковъ, есть еще и женскія училища, которыя во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ ниже мужскихъ, и затѣмъ перейдемъ къ *мадраса*.

Выше мы сказали уже, что *мадраса* обыкновенно, самостоятельное учрежденіе, существующее на средства, данныя частной благотворительностью. Этими средствами для текущей жизни *мадраса* являются доходы съ такъ называемыхъ *вакфовъ*, имуществъ разнаго рода, а главнымъ образомъ недвижимыхъ, пожертвованныхъ училищу или его основателемъ, или-же другими какими либо, посторонними лицами.

Въ большихъ городахъ Средней Азіи имѣется по нѣскольку *мадраса*, причемъ въ наиболѣе богатыхъ число учащихся доходитъ до 200 и болѣе человѣкъ.

Учителей—*мударрисовъ*—въ большомъ *мадраса* обыкновенно нѣсколько.

Хозяйственной частью училища и распредѣленіемъ доходовъ съ *вакфа* между *мударрисами* и учащимися, получающими незначительныя обыкновенно стипендіи, завѣдуетъ *мутавали*, тоже имѣющій свою долю въ этихъ получкахъ.

Ученики раздѣляются на три разряда или класса: *ала*, *аусатъ*, *адна*—высшіе, средніе и низшіе. Размѣры стипендій, получаемыхъ учениками, различны, въ зависимости отъ принадлежности даннаго ученика къ тому или другому классу; ученики старшаго класса получаютъ болѣе учениковъ средняго, а средній классъ—нѣсколько болѣе младшаго. Мнѣ приходилось встрѣчать туземцевъ, которые откровенно сознавались въ томъ, что при помощи разнаго рода уловокъ имъ приходилось обходить нѣкоторые обязательные отдѣлы обученія, для скорѣйшаго проникновенія въ послѣдующій классъ съ его усиленной стипендіей. Здѣсь-же замѣтимъ, что размѣры этихъ сти-

пендій въ *мадраса* средней руки колеблются для старшаго класса отъ 15 до 35, а для младшаго отъ 4 до 12 руб. въ годъ.

Ни общежитій, ни общаго стола нѣтъ. Каждый живетъ самъ по себѣ, на свой страхъ, и большинство, разумѣется, бѣдствуетъ. Многіе живутъ прямо таки въ нищетѣ и число такихъ на столько велико, что для нихъ установилось даже особое спеціальное названіе—*кашакъ мулла*.

Вышеприведенныя особенности внутренней жизни *мадраса*, по всей вѣроятности, являются главной причиною отсутствія между учащимися какой либо корпоративной связи и товарищества, а равно и такихъ явленій, какъ низкопоклонство, не только передъ *мударрисами*, но даже и передъ наиболѣе состоятельными товарищами, относительно которыхъ такъ называемые *кашакъ-мулла* зачастую играютъ роль прислуги, чтобы не сказать лажеевъ, въ неприглядномъ смыслѣ этого слова.

Полный курсъ каждаго отдѣльнаго *мадраса* въ своихъ подробностяхъ опредѣляется уставной грамотой основателя, засвидѣтельствованной ханомъ и казіями. Въ общемъ же курсъ каждаго изъ трехъ классовъ состоитъ въ прохожденіи опредѣленныхъ 3—4 книгъ на арабскомъ языкѣ, причемъ это прохожденіе книгъ въ *мадраса* дѣлается уже объяснительнымъ.

Начинаютъ въ большинствѣ случаевъ съ книги *Капія*, арабской грамматики на арабскомъ-же языкѣ. Изучивъ эту книгу при посредствѣ объясненій *мударриса*, учащійся успѣваетъ до нѣкоторой степени освоиться съ чуждымъ ему арабскимъ языкомъ.

Большая часть остальныхъ книгъ, проходимыхъ въ *мадраса*, тоже на арабскомъ языкѣ и шаріатнаго содержанія; исключеніе составляютъ лишь нѣкоторыя, въ родѣ *Мамтыка*, гдѣ излагается ученіе о логикѣ.

По части наукъ и знаній положительныхъ, пріобрѣтается лишь знаніе четырехъ правилъ ариметики, да измѣреніе площадей треугольника и прямоугольника; однако-же и эти свѣдѣнія по большей части пріобрѣтаются лишь попутно съ изученіемъ наслѣдственнаго права, которое, по своей сложности и запутанности, считается однимъ изъ труднѣйшихъ отдѣловъ шаріата, почему немногіе достигаютъ этой глубины премудрости. Что-же касается до вышесказаннаго измѣренія площадей, то оно производится самымъ первобытнымъ способомъ, ибо почти всякій треугольникъ принимается за прямоугольный и всякій четырехугольникъ за прямоугольникъ, а кругъ для измѣренія его площади подраздѣляется на произвольное число секторовъ, измѣряемыхъ какъ треугольники.

Если къ сказанному присоединить ознакомленіе съ персидскимъ языкомъ путемъ объяснительнаго чтенія подъ руководствомъ *мударрисовъ*, умѣнье излагать свою мысль письменно на турецкомъ и персидскомъ, а въ отдѣльных случаяхъ—даже и на арабскомъ языкѣ, привычку резонерствовать, усвоенную или во время прохожденія такихъ книгъ, какъ *мантыкъ*, или благодаря ознакомленію съ персидскими поэтами метафизическаго направленія и, наконецъ, наклонность къ казуистикѣ и крючкотворству, почти обязательно усвоиваемымъ при изученіи шаріата, то въ суммѣ получится все то умственное достояніе, которое благопріобрѣтается въ стѣнахъ *мадраса* даже и при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Тѣ, которымъ удалось постигнуть все вышесказанное, считаются уже людьми, безусловно образованными, прямое назначеніе которыхъ занять мѣста *мударрисовъ*, *аггамовъ*, *муфтіевъ* и *казіевъ*. Они считаются таковыми, не взирая на то, что не имѣютъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній по части такихъ наукъ, какъ математика, физика, химія, зоологія, ботаника, географія, исторія и др.

Далеко не рѣдки случаи, когда образованный по своему туземецъ очень безграмотно пишетъ на своемъ родномъ языкѣ, чему имѣются двѣ главныя причины: 1) грамматически изучается одинъ только арабскій языкъ по вышесказанной книгѣ *Капія*, ибо руководство по части грамматики персидскаго и сартовскаго языковъ не имѣется, и оба послѣдніе изучаются только практически, а 2) не менѣе важной причиною сказаннаго являются и пренебрежительныя отношенія къ своему родному языку, по поговоркѣ *لسان عربی شرافت لسان فارسی قباحت لسان ترکی نجاست* (арабскій языкъ — святыня; персидскій — гадость; турецкій — нечисть).

Лица, недоучившіяся въ *мадраса*, эксплуатируютъ свои знанія самыми различными способами. Одною изъ низшихъ категорій этого разряда недоучекъ являются *мирзы*, писцы. Это въ большинствѣ случаевъ тѣ, кто при изученіи книги *Капія* или послѣдующей за нею убѣждаются въ своей неспособности продолжать полный курсъ обученія, а потому останавливаются главнымъ образомъ на каллиграфіи и умѣньѣ письменно излагать ту или другую мысль. Наиболѣе способные изъ нихъ изучаютъ беллетристику, главнымъ образомъ персидскую, съ цѣлями усвоенія возможно большей витіеватости слога; иногда обращаются даже и къ персидскимъ письмовникамъ, по большей части индійскаго изданія.

Замѣчательно, что не смотря на скудость знаній, даваемыхъ высшей

туземной школой, есть лица, которыя остаются здѣсь въ качествѣ учениковъ чуть не на всю жизнь. Одни дѣлаютъ это, наивно поражаясь обширностью научнаго моря, именуемаго шаріатомъ; другіе, въ особенности бѣдняки, *кашаки-мулла*, добровольно обрекаютъ себя на своеобразное тюремное заключеніе ума и тѣла, отчасти въ силу привычки къ мѣсту, а отчасти изъ боязни не найти на жизненномъ пиру даже и тѣхъ крохъ, которыя они получаютъ здѣсь изъ доходовъ съ вакфа, и которыя вполне обеспечены за ними до тѣхъ поръ, пока они сами не сложатъ съ себя званія ученика.

Возвращаясь къ скудости тѣхъ знаній, которыя даются даже высшей туземной школой, замѣтимъ, что это зло было бы поправимо въ томъ случаѣ, если-бы эти пробѣлы и пустоты могли-бы впослѣдствіи заполняться путемъ самостоятельнаго черпанія знаній изъ мѣстной литературы; но послѣдняя совершенно безсильна помочь этому горю, ибо не заключаетъ въ себѣ и тѣни того, что мы называемъ научными свѣдѣніями. Наиболѣе богатымъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ считать отдѣлъ историческій, такъ какъ на персидскомъ языкѣ, а отчасти даже на сартовскомъ, есть сочиненія достаточно солидныя, по крайней мѣрѣ по исторіи востока; но на бѣду, исторію здѣсь никто почти не признаетъ за науку.

Географіи съ нашей точки зрѣнія не существуетъ. Основныя географическія представленія таковы: земля есть плоскость, окруженная со всѣхъ сторонъ горами *Капъ*, въ коихъ обитаютъ сказочныя существа *муи*, полу-люди, полу-птицы; эта горизонтальная плоскость раздѣляется на семь *иклимовъ*, параллельныхъ полосъ. (Мы, на примѣръ, находимся въ пятомъ *иклимѣ*).

Въ книгѣ *Магломатъ-уль-апанъ* (на персидскомъ языкѣ, индійское изданіе) на ряду съ весьма интересными сообщеніями древнихъ арабскихъ путешественниковъ о камскихъ болгаряхъ, читаемъ, что на такомъ-то островѣ есть отпечатокъ ноги Адама, а въ такой-то части такого-то *иклима* живутъ люди съ медвѣжьими головами и растутъ деревья, на которыхъ вмѣсто плодовъ появляются живые скорпіоны.

Медицина въ положеніи еще болѣе плачевномъ, но зато процвѣтаетъ астрологія. Придворные астрологи до послѣдняго времени имѣлись у кокандскихъ хановъ и бухарскихъ эмировъ, а въ Персіи до сихъ поръ издается астрологическій календарь, гдѣ вмѣстѣ съ обозначеніемъ счастливыхъ и несчастныхъ дней, можно встрѣтить такого рода предсказаніе: въ такой-то день, такого-то мѣсяца, у всѣхъ высшихъ сановниковъ Персіи

будетъ затмѣніе разсудка, по какой причинѣ въ этотъ день лучше не начинать никакого серьезнаго дѣла.

Такова далеко невеселая картина мѣстной умственной жизни, картина того почти безпросвѣтнаго мрака, разсѣвать который призываютъ насъ политическія судьбы нашего отечества.

(Изъ Отчета о состояніи Туркестанской Имперскаго семинаріи за 1888-9 учебный годъ)